

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья
УДК 94(394+533)«15»
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1166-1182>

Исторические науки

Социально-экономические преобразования в Южной Аравии первой половины XVI века

Талиб Ахадович Гасанов

*РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
gasanovt.1991@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4489-9364>*

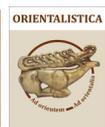
Аннотация. Гуманитарная катастрофа, продолжающаяся в Йемене на протяжении последних десяти лет, обнажает все более глубокие противоречия внутри йеменского общества. Нарастание центробежных сил и антагонизма между Севером и Югом указывает на необходимость изучения периодов йеменской истории, которые особенно повлияли на становление самосознания его жителей. Для Южного Йемена и Хадрамаута одним из таких периодов стала первая половина XVI в. События данного периода рассматриваются в настоящей статье с опорой на арабские источники, в первую очередь на историческое сочинение Мухаммада б. 'Умара ат-Таййиба Бā Фақйха аш-Шихрй «История аш-Шихра. Известия X века хиджры». Сопоставление данного источника с другими демонстрирует, в частности, как столкновение хадрамитцев с Португальской и Османской империями, а также попытка строительства централизованного южноаравийского государства султаном Бадром Бū Тувайриқом ал-Касйрй привели к более полной интеграции этого региона в глобальную политику. Интересно, что именно лояльность касиридского султана в отношении Османской империи, призванная обеспечить возвышение аш-Шихра в качестве одного из главных торговых городов Аравийского полуострова, вскоре послужила одной из причин его упадка. Наконец, в источниках отражено распространение в Южной Аравии огнестрельного оружия, которое повлияло на стратификацию общества и привело к еще большему усилению племен, которые в XVII–XVIII вв. фактически вытеснили центральную власть, сделав невозможным построение единого государства.

Ключевые слова: средневековый Йемен; история Хадрамаута; Касиридский султанат; история аш-Шихра; торговля в Индийском океане; османские завоевания

Для цитирования: Гасанов Т. А. Социально-экономические преобразования в Южной Аравии первой половины XVI века. *Ориенталистика*. 2021;4(5):1166-1182. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1166-1182>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Socioeconomic Changes in South Arabia in The First Half of The Sixteenth Century

Talib A. Gasanov*Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia,
gasanovt.1991@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4489-9364>*

Abstract. One of the world's largest humanitarian crises that have been going on in Yemen for the last ten years has highlighted the growing tensions within its society. To better understand the rising antagonism between the North and the South, it is necessary to analyze the significant historic events that influenced the development of the Yemeni identity. For the inhabitants of South Yemen and Hadramaut, many of such events took place in the first half of the sixteenth century. The following article presents an analysis of these events focusing on the available Yemeni sources, especially the "Tārīkh al-Shiḥr wa akhbār al-qarn al-'āshir", the annals by Muḥammad b. 'Umar al-Ṭayyib Bā Faqīh al-Shiḥrī (d. 17th cent. AD). The comparison of this chronicle with other sources reveals how the clash between Hadramaut, the Portuguese and the Ottoman empires, as well as an attempt by the Kathīrī Sultan Badr Bū Ṭuwairiq to establish a centralized South Arabian state, caused deeper integration of this region into global politics. Ironically, it was the Sultan's loyalty towards the Ottoman Empire meant to ensure the rise of al-Shiḥr as one of the main trade centres of the Arabian Peninsula that soon contributed to its decline. Lastly, the sources reflect the spread of firearms that had an impact on the stratification of South Arabian society and gave more power to the tribes, allowing them to subjugate the sultans, thereby preventing the creation of a unified state in the following centuries.

Keywords: medieval Yemen; Hadramaut, history; Kathiri sultanate; al-Shiḥr, the history of; trade in the Indian Ocean; Ottoman conquest

For citation: Gasanov T. A. Socioeconomic Changes in South Arabia in The First Half of The Sixteenth Century. *Orientalistica*. 2021;4(5):1166-1182. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1166-1182>.

Введение

В 1438 г. венецианский купец Эммануэль Пилоти, призывая к новому крестовому походу против исламского мира, подчеркивал, что для захвата Иерусалима и последующего установления контроля над торговыми путями из Индии и Китая необходимо «поразить врага ударом в голову, а не бить по конечностям». Под головой врага, разумеется, имелся в виду Каир, являвшийся тогда столицей сильнейшего мусульманского государства – Мамлюкского султаната. Однако, говоря о торговле специями, Пилоти упоминал также некоего могучего властелина «острова Адена», который перехватывал все корабли в далеком Южном море и изымал у них половину товара, от чего страдали «и язычники, и

христиане» [1, с. 15–16]. Конфискованные специи властелин Адена отправлял через пустыню в Дамаск и Александрию караванами, которые вели его же подданные.

Эта история, так напоминающая мифологизированный сюжет о скупом царе из далекой страны, показывает нам, что незадолго до начала эпохи Великих географических открытий даже европейцы, годами торговавшие в Каире, практически ничего не знали о Южной Аравии. Однако уже через два поколения ситуация изменилась до неузнаваемости – португальские капитаны рассказывали в своих письмах о крепостных стенах, окружавших города «мавров» [2, с. 365], а в городе аш-Шихр на южном побережье Аравийского полуострова начали появляться венецианские товары. 1507 год (дата прибытия португальских моряков под командованием Тристана да Куньи и Афонсу де Албукерке на остров Сокотра) стал отправной точкой, изменившей уклад жизни в Южной Аравии. Последовавшая за этим череда событий, таких как гибель династии Тахиридов, попытка построения султаната ал-Касйрй и, наконец, вхождение Южной Аравии в состав Османской империи, окончательно вывела из равновесия систему международных связей, сложившуюся в Индийском океане в послемонгольский период и сохранявшую относительную стабильность на протяжении почти двухсот лет.

Несмотря на то что за последние полвека становление и устройство этой системы были подробно описаны множеством авторов (в первую очередь, несомненно, стоит выделить труды Р. Б. Сарджента, Х. Ядзими, Э. Вале, а среди отечественных исследователей – М. Б. Пиотровского, М. А. Родионова, Н. А. Иванова и Г. М. Удалову), большинство вопросов, связанных с экономической ситуацией в Хадрамауте, по сей день остается малоизученным. Во многом это связано с ограниченной источниковой базой – за исключением Ахмада Шанбала (ум. в 1582 г.) и Мухаммада Ба Фақйха аш-Шихрй (ум. в начале XVII в., точные даты жизни неизвестны), многие историки того периода практически не описывали происходившие события, ограничиваясь жизнеописаниями прославленных саййидов, факихов и султанов. Данная статья представляет собой попытку систематизировать некоторые сведения из арабоязычных текстов, связанных с интересующим нас историческим периодом, а также сопоставить их с археологическими данными, чтобы проследить, как появление новых людей, предметов и идей повлияло на социально-экономическое положение в Южной Аравии XVI в.

Положение Южной Аравии до контакта с Португальской империей

Формирование системы международной торговли в Индийском океане нередко связывается с неоднозначным влиянием монгольских завоеваний на Азиатский континент. С одной стороны, разорения,

причиненные монголами на суше, оживили морскую торговлю. С другой стороны, под властью завоевателей обширные регионы Азии – от севера Плодородного Полумесяца до Желтого моря – были частично объединены. Когда наследники Чингис-хана остановили свое продвижение и обосновались на захваченных землях, установившийся мир способствовал возвращению сухопутной торговли, в результате чего сформировалась обширная торговая сеть, охватывавшая целое полушарие. Еще персидский поэт Саади в XIII в. писал о том, как однажды на острове Киш в Персидском заливе встретил торговца, мечтавшего о последнем торговом путешествии: «Я отвезу персидскую серу в Китай... фарфор – в Грецию, а греческую парчу – в Индию, индийскую сталь – в Алеппо, а зеркала из Алеппо – в Йемен, полосатую йеменскую ткань – в Персию, и после этого уйду на покой...» [3, с. 386].

Стабильность сложившейся системы, мало изменившейся до прибытия португальцев, в значительной степени коррелировала с климатическими особенностями региона, в частности – с особым ветровым режимом. Лоции того времени описывают северо-восточный ветер *азйаб*, благодаря которому побережье становилось доступным для торговых судов из Индии и Персидского залива. Для июня характерен северный ветер *шимал*, облегчающий навигацию по Красному морю из Египта и Джидды. В октябре-ноябре корабли из Адена, в свою очередь, отправлялись в Джидду и египетский порт Айзаб. Мореплавательные календари с подробным описанием ветрового режима были известны при дворе султанов и использовались при ежегодной оценке налоговых поступлений.

Поскольку важным источником дохода для многочисленных государственных образований, появившихся и угасавших на территории Южной Аравии, являлись возраставшие доходы и пошлины от транзитной морской торговли между Индией и Средиземноморьем, для этого периода характерно усиление портовых городов. Применительно к Южной Аравии период XV–XVI вв. можно описать как конкуренцию между двумя крупнейшими портами – Аденом и аш-Шихром. На каждом из этих городов следует остановиться подробнее.

Аден, находящийся в 150 км от Баб-эль-Мандебского пролива, на протяжении веков являлся одним из крупнейших портов арабского мира и самым густонаселенным городом Южной Аравии. Этот процветающий город был окружен мощной крепостной стеной, способной противостоять даже нападению португальского флота, технологическое превосходство которого позволило португальцам подчинить себе весь Индийский океан – «от Восточной Африки до Индонезии и от Персидского залива до Бирмы» [4, с. 5]. По словам средневековых авторов, не проходило и недели, чтобы в Аден не приходили корабли из Индии, Китая или Абиссинии. Разнообразие товаров, проходивших через знаменитый Аденский порт, поражает воображение – в Индию и Китай вывозили «жемчуг,

обработанный агат, медь, ртуть, киноварь, кораллы, шерстяные и шелковые изделия, опиум, изюм, розовую воду, товары из Мекки, золотые слитки». Одновременно с этим в Аден ввозили «бисер, пряности, лекарства, рис, железо, сахар, перец, имбирь, мускус, хлопок, пряжу, кокосы, бензойную смолу, сандаловое дерево, алоэ, ревень» [5, с. 31].

Аш-Шихр, находящийся на побережье Хадрамаута примерно в 600 км к востоку от Адена, сегодня представляет собой относительно небольшой город с населением около 50 тыс. человек, уступающий ал-Мукалле и Сайуну. Однако в первой половине XVI в. на сравнительно короткий промежуток времени ему удалось стать одним из наиболее влиятельных торговых городов Аравийского полуострова.

До недавнего времени о социально-экономической ситуации в Хадрамауте не было известно практически ничего [5, с. 34]. Однако участникам французской археологической экспедиции 2007 г. удалось обнаружить в аш-Шихре несколько культурных слоев, причем находки XV–XVI вв. свидетельствуют о достаточно развитой и диверсифицированной экономике города. Жители аш-Шихра и окрестных поселений ловили рыбу, экспортировали благовония, амбру, ткани, квасцы для окраски тканей, финики, тмин и другие товары, при этом импортировали из Китая больше серебра, чем Аден [6, с. 82]. Уже для культурного слоя XV в. характерна керамика из Тихамы и Индии, а также китайский фарфор. В XVI в. развивается производство – появляется стеклодувная мастерская и, как следствие, большое количество украшений из стекла, в особенности браслетов [7, с. 135].

Среди остальных торговых городов Аравийского полуострова следовало бы упомянуть Джидду – важный транзитный узел на пути в Египет, а также ближайший порт к Мекке и Медине. На восточном побережье важную роль играл Бахрейн – один из главных экспортеров жемчуга. В XV в. Бахрейн находился под контролем Ормуза – хорошо укрепленного арабо-персидского города, который, с одной стороны, экспортировал лошадей в Индию, с другой – обкладывал пошлинами индийские товары, направлявшиеся затем караванами в Среднюю Азию и Средиземноморье.

Административная система султаната Расулидов

Говоря о политической ситуации, предшествующей изучаемому периоду, нельзя не остановиться на крупнейшем государственном образовании средневекового Йемена – султанате бану Расул, существовавшем с 1229 по 1454 г. На протяжении большей части своей истории это государство контролировало сразу несколько историко-культурных областей – Тихаму со столицей в г. Забид, южное высокогорье – ал-Йаман ал-асфал с центром в Таизе, северное высокогорье – ал-Йаман ал-а'ля с центром в

г. Сана, а также восточные территории – ал-Машāриқ, частично включающие в себя Хадрамаут. Хотя банū Расūл возводили свою генеалогию к Гасанидам, относящимся, в свою очередь, к южноарабскому племени *азд*, основатели династии были туркоманами. Следовательно, их султаны не были ни кахтанитами, ни прямыми потомками Пророка, что весьма необычно для региона, в котором племенная принадлежность и родство по сей день играют ключевую роль.

Несмотря на отсутствие у Расулидов привычной для Йемена генеалогической легитимности, период их правления нередко описывают как золотой век Южной Аравии. Султанам этой династии удалось в значительной степени установить государственный контроль над торговлей, в первую очередь, за счет создания сложного административного аппарата и разветвленной системы налогов и пошлин. Представление об устройстве расулидского государства, а также о собираемых налогах дает трактат ал-Ḥасана аш-Шарīфа ал-Ḥусайнī «Мулахḥаṣ ал-Фитан», написанный, предположительно, в 1412 г. [8, с. 23].

Административный аппарат Расулидов включал в себя множество ведомств и должностей с расписанным кругом полномочий и фиксированным жалованьем. Их деятельность включала в себя управление казной, вакуфным имуществом, армией, конюшнями, контроль над строительством, содержание крепостей, учет потребностей населения и т. д. [8, с. 25]. Территория султаната была поделена на налогово-административные единицы, для каждой из которых, в зависимости от выращиваемых сельскохозяйственных культур и иных источников доходов, отдельно высчитывались налоги. Прогнозируемые налоговые поступления обозначались терминами *мисāха*, *мустахрадж* и *хирāса*. Сохранилось некоторое количество документов, составлявшихся при дворе Расулидов и подробно описывающих источники доходов. К примеру: [9, с. 12–13].

Аден

Навигационный сезон *сā'их* из Адена в Египет начинается в 15-й день 12-го месяца [*кāнūн ал-аввал*]. Того, кто отправляется в Египет 7-го дня 4-го месяца [*нīсāн*], называют *лāхик*. Индийцы отправляются в Аден в 10-й день 10-го месяца [*тишрīн ал-аввал*], который называют началом сезона – *аввал заман*. Сезон *димāнī* [для отправляющихся] из Адена начинается в 23-й день 4-го месяца. Последнее плавание индийцев в Аден – в 8-й день 3-го месяца [*азāр*], который называют концом сезона – *āхир заман*. [Мореходный] календарь *найрūз* начинается во 2-й день 1-го месяца. [Корабли] в Могадишу придут из Адена в 7-й день 6-го месяца [*хазйрāн*]. Торговля мареной [*rubia tinctorum*] в Адене начинается в 1-й день 5-го месяца. Сезон [торговли] лошадьми начинается в Адене в 15-й день 8-го месяца [*āб*].

Аш-Шихр

Лодки из Дофара придут в 17-й день 4-го месяца, а лодки из Могадишу – в 15-й день 3-го месяца. Последний корабль индийцев [ожидается] в 9-й день 3-го месяца. [Лодки] из Адена прибывают сюда в 24-й день 4-го месяца; последнее прибытие аденцев [ожидается] в 27-й день 4-го месяца.

Финиковая пальма – опыление в 25-й день 1-го месяца, [предварительный] прогноз налогов – в 5-й месяц, [окончательная] оценка – в 6-й месяц [хазйрāн].

Абьян¹

Сорго [сорта] *сайф*: подготовка почвы в 10-й месяц, посев в 11-й месяц, оценка налогов – во 2-й месяц.

Пшено: подготовка почвы в 4-й месяц, посев в 5-й месяц, оценка налогов – в 7-й месяц.

Хлопок: подготовка почвы в 6-й месяц, посев в 14-й день 7-го месяца, [предварительный] прогноз налогов – в 11-й месяц, [окончательная] оценка – в 12-й месяц.

Сорго [сорта] *букр*: подготовка почвы в 6-й месяц, посев в 25-й день 8-го месяца, оценка налогов – в 11-й месяц.

Сорго [сорта] *гарб*: посев в 11-й месяц, оценка налогов – во время второй обрезки (*ақб*) в 12-й месяц.

Кунжут: подготовка почвы и посев в 10-й месяц, оценка налогов – в 1-й месяц.

Просо пальчатое (*eleusine coracana*): подготовка почвы и посев в 12-й месяц, оценка налогов – в 1-й месяц.

В этом же реестре перечисляется более 100 видов сельскохозяйственных культур, выращиваемых безотносительно конкретных областей, причем для каждой из них указаны сроки посева. Стоит обратить внимание на то, что помимо нескольких сортов пшеницы и сорго и множества фруктов и овощей, в реестре упоминается более десяти видов цветов – несколько видов роз, фиалки, нарциссы, жасмин и др. Это, одновременно с наличием большого количества предметов роскоши, может свидетельствовать о достаточно утонченной элитарной культуре и развитых эстетических потребностях, по крайней мере при дворе султанов. Несмотря на то что в последующие эпохи административная система южноарабских султанатов в значительной степени упростилась, некоторые ее элементы, в особенности связанные со сбором налогов, наблюдались и в середине XX в. [8, с. 25].

¹ Абьян – область, находящаяся между Аденом и Хадрамаутом.

Касиридский султанат и реформы Бадр Бў Тувайриқ

В 1454 г. султанат Расулидов прекратил свое существование. Следующие 60 лет Южной Аравией правила династия банў Тāхир. Несмотря на то что их правление ассоциируется с усилением Адена и активным строительством мечетей, школ и ирригационных сооружений, контроль над территорией султаната непрерывно ослаблялся. На севере Тахириды уступали свои позиции зейдитскому имамату, а к востоку от Адена постепенно формировалось новое политическое образование – султанат ал-Касйрй. Это зарождающееся государство, поначалу представлявшее собой достаточно рыхлое племенное образование, в начале XVI в. начало стремительно разрастаться под властью Бадр б. ‘Абдаллāха ал-Касйрй (1496–1570), прославившегося под именем Бадр Бў Тувайриқ. Хадрабийский летописец ‘Абд ал-Қāдир ал-‘Айдарўс описывал его как одного из величайших правителей своего времени, ставя в один ряд с Сулейманом Великолепным и Муҳаммадом Абў Нумаййем б. Баракāтом, шерифом Мекки [10, с. 435]. Бадр Бў Тувайриқ правил почти полвека и сумел подчинить себе огромную территорию – «от [земель] ал-‘авāлиқ на западе до Сайхута на востоке, и от южного побережья до северной пустыни» [11, с. 34]. Ведя непрерывную войну с племенами Хадрамаута и Махры, султан одновременно пытался создать единое централизованное государство, внося значительные изменения в социально-экономическую жизнь Южной Аравии.

Хадрабийский историк Муҳаммад Ибн Хāшим, ссылаясь на хронику «История аш-Шихра. Известия десятого века хиджры» Бā Фақйха аш-Шихрй, утверждает, что первым действием Бадр Бў Тувайриқ после прихода к власти стало отстранение своего визиря, Митрāна б. Мансўра, демонстрировавшего «недостойные намерения», и назначение на его должность ‘Атйфа б. ‘Алй б. Даҳдаҳа [11, с. 36]. Сами по себе подобные перестановки не были чем-то необычным, но Бā Фақйх аш-Шихрй подчеркивает, что султан Бадр не просто снял Митрāна б. Мансўра с должности, но бросил его в тюрьму сразу после вечерней молитвы, конфисковал все его имущество, а через несколько дней «втайне отпустил на свободу» [12, с. 149]. Кроме того, через шесть лет султан снова назначил его на должность визиря. Интерпретировать подобные действия за отсутствием более подробной информации непросто – можно предположить, что молодой султан таким образом демонстрировал свою решительность и готовность к немедленной расправе над противниками – качества, которые еще не раз проявились на протяжении его многолетнего правления [13, с. 30].

Одной из главных реформ Бадр Бў Тувайриқ было создание и перевооружение армии. Ранее в Хадрамауте существовало исключительно племенное ополчение, собиравшееся по приказу султанов. Йеменские историки подчеркивают нестабильность и ненадежность такой структуры – некоторые племена враждовали на протяжении многих поколений

и едва ли могли выступать единым фронтом в случае общей угрозы. Кроме того, большинство наемников-*қабілі* преследовали личные цели и ставили племенные интересы выше государственных, что приводило к низкой боеспособности и взаимному отсутствию доверия между султаном и ополчением.

Около 1520 г. султан Бадр нанял турецких офицеров под командованием Реджепа ат-Туркй. Новые офицеры не были вовлечены в племенные междоусобицы, а потому сохраняли личную преданность султану, были хорошо подготовлены и показывали пример хадрабийцам. Кроме того, они принесли с собой огнестрельное оружие, которое хадрабийцы быстро освоили, прозвав «ромейскими ружьями»² – *банāдиқ ар-Рӯм*. Часть оружия также отнимали у португальцев, набеги которых проходили каждые один-два года и далеко не всегда заканчивались успехом. Первые походы султана в Хадрамаут показали эффективность новой армии – прибытие новых людей с необычной внешностью (описывают, что у Реджепа ат-Туркй были длинные усы), пьющих вино [11, с. 37] и поражающих противников на расстоянии, поначалу вызывало ужас у непокорных хадрабийских племен. Впоследствии «ромейские ружья» стали производить непосредственно в Хадрамауте. В хронике Бā Фақйха аш-Шихрй огнестрельное оружие впервые упоминается уже в записи за 912 / 1506 г., причем автор отмечает, что оно тогда «еще не было известно в Йемене» [12, с. 111]. Однако начиная с 925 / 1519 г. ружья и пушки упоминаются регулярно.

Также стоит отметить, что, помимо турецких офицеров, в качестве членов нового касиридского войска были приглашены воины из зейдитского имамата, исповедовавшие шиитский ислам, малоприемлемый для традиционно шафиитского Хадрамаута. Такое устройство армии свидетельствует, с одной стороны, о дальновидности султана Бадра, не желавшего опираться на традиционные структуры племенного общества, а с другой – о его готовности пренебречь этноконфессиональными различиями ради построения единого централизованного государства.

Еще одним заметным новшеством в жизни Хадрамаута начала XVI в. была монетная реформа. Муҳаммад Ибн Хāшим пишет, что в 937 / 1521 г. в аш-Шихре «начали чеканить серебряную монету номиналом в риал, половину и четверть риала, а также малые и большие медные монеты» [11, с. 38]. Однако в хронике Бā Фақйха аш-Шихрй эта реформа описана несколько иначе:

934 / 1527 г. – «...и в этом месяце [*рабй' ал-аввал*] султан Бадр б. 'Абдаллāх б. Джа'фар приказал чеканить монету в аш-Шихре и ввести ее в оборот...» [12, с. 186].

² Этноним «ромей», обозначавший жителей Византии, употреблялся арабами применительно к туркам-османам на протяжении столетий после гибели Византийской империи.

943 / 1536 г. – «...и в этом [году] султан [приказал] чеканить бадрийскую *буқшу*...» [12, с. 240].

О «серебряной монете», упоминаемой Ибн Хāшимом, не удастся найти дополнительной информации. В то же время медная *буқша* описывается в справочной литературе следующим образом:

«*Буқша* – основная монета йеменцев. Существуют также монеты в половину, четверть и восьмую часть *буқши*. Десять *буқшей* равняются четверти австрийского риала [т. е. талера Марии Терезии, имевшего хождение на Ближнем Востоке, включая Хадрамаут], либо имамского [северойеменского]. Таким образом, 40 *буқшей* равны одному риалу, *буқша* и ее части изготавливаются из меди. [...] Название происходит от турецкого “*бохча*”, что значит “сверток” или “тряпка”, в особенности тот, в который заворачивают дирхамы» [14, с. 116].

Несмотря на спорадические упоминания в документах различных периодов, на момент середины XX в. не было найдено ни одной бадрийской *буқши* [15, с. 141]. Из этого можно сделать вывод, что общее количество отчеканенных монет было не так велико. Кроме того, в отличие от золота, медь достаточно быстро окисляется и за 100–150 лет покрывается слоем патины, что также могло бы объяснить их низкую сохранность. Тем не менее наличие в коллекциях йеменских музеев значительно более древних бронзовых монет [16, с. 17] позволяет предположить, что *буқши* нечасто использовались в торговле в силу низкого номинала и, вероятно, недостаточно высокого престижа. Одновременно с ними и в самом Хадрамауте продолжали использоваться аббасидские динары и дирхамы, а также монеты династии Расулидов [17, с. 241]. Даже в хронике Бā Фақйха аш-Шихрй использование *буқши* в торговле упоминается лишь один раз:

947 / 1540 г. – «...и в этом [году] в Хадрамауте выросли цены. *Дурра* (сорго) в Шибаме подорожала до двух *буқшей*, а финики стоят [одну] *буқшу* за одну целую и одну треть *ратля* [около 600 г], и ни того, ни другого не найти...» [12, с. 280].

Гораздо чаще авторами XVI–XVII вв. упоминается другая валюта – *ашрафй*, или ашрафийский динар. Это золотая монета, изначально производимая в мамлюкском Египте, равная 360 риалам в Адене и 300 риалам в Ормузе и Цейлоне. Хадрабийские летописцы почти всегда говорят о ней в контексте международных сделок, а также дани и выкупа на всей территории Аравийского полуострова. Примеры:

915 / 1509 г. – «...и в этом [году] португальцы на 6 кораблях взяли в осаду Ормуз, после чего обложили его ежегодной данью в 10 тысяч *ашрафй*» [18, с. 240].

935 / 1529 г. – «...и в воскресенье, 19 дня месяца джумādā ас-сāни в порт аш-Шихра прибыл корабль португальцев (да покинет их Бог). По совпадению они встретили там судно, перевозившее на борту марену красивую и иной груз, нужный индийцам. [Португальцы] захватили этот

корабль, после чего его хозяин выкупил его в Хайридже за 1800 *ашрафй* [12, с. 189].

945 / 1538 г. – «и в тот же день властелину аш-Шихра приказали каждый год выплачивать десять тысяч *ашрафй*» [12, с. 258].

Последний пример относится к договоренности Бадр Бӯ Тувайриқа с Османской империей. Тогда Хадрамаут формально признал главенство Высокой Порты, обязуясь выплачивать ежегодный налог и принимать у себя турецкий гарнизон. В обмен на это паша Сулейман ат-Тавāшй предоставил султану Бадру высочайший фирман на владение землями «от ворот Адена до пределов Дофара» и звание османского санджакбея [13, с. 29]. Кроме того, такое ограничение суверенитета позволило султанату ал-Касйрй защититься от набегов португальцев и сосредоточиться на борьбе с непокорными племенами. Известно, что договоренность с османскими властями соблюдалась даже после смерти Бадр Бӯ Тувайриқа, потомки которого оказались не в состоянии продолжить его политику и начали терять власть. Тем не менее ежегодный налог продолжал выплачиваться вплоть до времен Ван ден Бруке в начале XVII в. Сам Ван ден Бруке оценил эту сумму в 4000 пиастров и 20 фунтов хорошей амбры [15, с. 96].

Можно предположить, что османское подданство должно было способствовать дальнейшему усилению султаната ал-Касйрй и процветанию его главного порта – аш-Шихра. Находясь в 3500 км от Высокой Порты, хадрабийские султаны могли, с одной стороны, не опасаться излишне жесткого контроля со стороны османских властей, а с другой – рассчитывать на их поддержку в обмен на выплачиваемый налог и некоторые формальные проявления лояльности. Кроме того, османам удалось значительно обезопасить торговлю в Индийском океане. Так, в период с 1507 по 1538 г. Аравийский полуостров пережил 17 набегов португальцев, три из которых закончились разграблением аш-Шихра. После признания Касиридским султанатом власти Османской империи и с расширением турецкого присутствия в Индийском океане за 48 лет с 1538 по 1586 г. произошло лишь 15 столкновений с португальцами [19, с. 9], причем большинство из них носили локальный характер и все реже сопровождалось крупными сражениями или осадой городов.

Тем не менее возврата к поступательному развитию, характерному для допортугальского периода, не произошло. Став глобальной морской державой и многому научившись у португальцев [19, с. 17], османы начали менять систему торговли в Индийском океане в соответствии с собственными интересами. Главным южноаравийским портом и новыми «воротами в Красное море» стал когда-то второстепенный город Моха – согласно записям португальского миссионера Жирониму Лобу, именно там теперь должны были выплачивать пошлины все корабли, отправлявшиеся в Египет. Остальные города на побережье Аравийского полуострова постепенно начали приходить в упадок – современники писали, что даже в Аден

неделями не приходили корабли, и город пришел в запустение. Это тем более касалось аш-Шихра, который, находясь слишком далеко как от Красного моря, так и от Персидского залива, утратил свою ценность в новую эпоху и превратился из центра региональной торговли в провинциальный городок на окраине великой империи. Его географическое положение из главного достоинства превратилось в главный недостаток.

Судьба хадрамейских товаров

В завершение рассмотрим изменения в восприятии двух традиционных товаров континентального Хадрамаута. В работах по истории Южной Аравии неоднократно упоминалось, что торговля благовониями – ладаном, миррой и другими смолами – играла важную роль в экономике этого региона начиная с доисламского периода. Однако значение этого товара в Средние века и Новое время изучено гораздо хуже.

Сравнение археологических находок с результатами анализа источников выявляет интересное противоречие. С одной стороны, экспедиция 2007 г. в аш-Шихре подтверждает наличие в каждом культурном слое нескольких новых типов курильниц для благовоний, причем их форма и размер свидетельствуют о более массовом производстве по сравнению с доисламским периодом. Косвенным подтверждением этой гипотезы служит широкое распространение благовоний в современном Хадрамауте. Однако вместе с тем отмечается все более редкое упоминание благовоний в письменных текстах XIV–XVII вв. Один из главных источников информации об экономике расулидского султаната – вышеупомянутый «Мулаххас ал-фитан» – и вовсе обходит их стороной, называя аш-Шихр третьим портом Йемена по величине прибыли от торговли амброй, камфорой, жемчугом, индийскими рабынями-танцовщицами и виверрами – но не благовониями [20, с. 52]. То же касается и хроники Бā Фақйха аш-Шихрй, где ладан (*ал-луббāн*) не упоминается вовсе.

В связи с вышесказанным некоторые исследователи утверждают, что торговля благовониями в Южной Аравии пришла в упадок к XVI в. Однако имеет смысл говорить скорее о ее переориентации. С одной стороны, экспорт благовоний в Средиземноморский регион действительно сокращался – сначала с приходом христианства, а затем – по мере того как Европа находила иные источники ладана. Кроме того, в отдельные периоды на торговлю благовониями налагался официальный запрет [15, с. 169]. В то же время потребление благовоний оставалось частью традиционной культуры жителей Южной Аравии и никогда не прекращалось, что отмечали участники португальских набегов [15, с. 172]. Кроме того, несмотря на прибытие португальцев и турок и последующее снижение роли аш-Шихра в трансконтинентальной морской торговле, некоторые рынки, включая китайский, оставались открытыми для хадрамейских торговцев благовониями.

Что касается финиковой пальмы, ее основополагающее значение для выживания населения Хадрамаута сохраняется до Новейшего времени, причем различные части этого дерева используются в самых разных целях – для строительства, разведения огня, изготовления бытовой утвари и т. д. В начале XX в. в Хадрамауте насчитывалось около 200 тысяч финиковых пальм – в два раза больше, чем во всем остальном Йемене [22, с. 205]. Если судить по признакам культивации на ныне заброшенных территориях, в прошлом их количество могло быть еще выше.

Неудивительно, что установление контроля над финиковыми рощами с глубокой древности было одной из основных целей любого завоевательного похода. Интереснее, однако, то, что даже в мирное время вознаграждение за защиту рощ, принадлежавших богатым землевладельцам, было важной статьёй дохода для некоторых племен. С появлением огнестрельного оружия, которое окончательно закрепило неравенство между племенами и остальными социальными стратами, лишенными права носить оружие [23, с. 23], защита финиковых пальм (*ширāха*) все чаще стала носить характер вымогательства. Представители племен делили культивируемые территории на зоны влияния и фактически навязывали свои услуги собственникам, требуя за свою работу «десятину», порой превышавшую половину урожая [24, с. 309].

Подобная узурпация государственных функций со стороны племен, разумеется, не вызывала энтузиазма ни у землевладельцев, ни у центральной власти. Тем не менее касиридским султанам (а впоследствии и британской колониальной администрации) так и не удалось искоренить эту практику. Более того, со временем право на защиту финиковых рощ развилось в некое подобие ограниченного вещного права³, с возможностью возмездного отчуждения третьим лицам и выкупа самим собственником земельного участка. Это явление, включающее в себя элементы инвестиционного механизма и – одновременно – организованной преступности, высвечивает множество противоречий между различными стратами хадрамийского общества, и уже в силу этого требует дальнейшего изучения.

Выводы

Сопоставление рассмотренных источников позволяет говорить о стремительных и разносторонних преобразованиях, изменивших экономическую и общественную жизнь Южной Аравии в первые десятилетия XVI в. Во-первых, одновременное столкновение с двумя крупными империями и попытка строительства централизованного южноаравийского

³ Ограниченные вещные права – абсолютные субъективные права на использование чужого, как правило недвижимого, имущества в своем интересе и без посредства собственника.

государства привели к более полной интеграции этого региона в глобальную политику, а также способствовали формированию локальной хадра-мийской идентичности. Кроме того, османское подданство, призванное обеспечить возвышение аш-Шихра в качестве одного из главных торговых городов Аравийского полуострова, всего через несколько десятилетий послужило одной из причин его упадка. Наконец, распространение огнестрельного оружия повлияло на стратификацию южноаравийского общества и привело к еще большему усилению племен, которые в XVII–XVIII вв. фактически вытеснили центральную власть, сделав невозможным построение единого государства.

Дальнейшее исследование данной тематики возможно в нескольких направлениях. С одной стороны, стоило бы включить в научный обиход большее количество малоизученного текстового материала, в том числе османские и португальские источники. С другой стороны, имеет смысл сосредоточиться на исследовании конкретных отраслей южноаравийской экономики, а также постепенного отмирания расулидских административных механизмов и их замены племенными институтами. Роль этих институтов в Новейшее время, включая события последних десяти лет, также нуждается в рассмотрении.

Литература

1. Vallet É. *L'Arabie marchande: État et commerce sous les sultans rasūlides du Yémen (626–858 / 1229–1454)*. Paris: Éditions de la Sorbonne; 2010. 870 p.
2. *Cartas de Affonso de Albuquerque seguidas de documentos que as elucidam*. Lisboa: Academia real das ciencias de Lisboa; 1903. 438 p.
3. Mackintosh-Smith T. *Arabs: A 3,000-Year History of Peoples, Tribes, and Empires*. New Haven, Connecticut: Yale University Press; 2019. 656 p. DOI: 10.2307/j.ctvd1c99p
4. Хазанов А. М. Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.). М.: ПАУ-Университет; 2003. 319 с.
5. Удалова Г. М. *Йемен в период первого османского завоевания (1538–1635)*. М.: Наука; 1988. 200 с.
6. Hardy-Guilbert C. The Harbour of al-Shiḥr, Ḥaḍramawt, Yemen: Sources and Archaeological Data on Trade. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2005;35:71–85.
7. Boulogne S., Hardy-Guilbert C. Glass Bangles of al-Shiḥr, Ḥaḍramawt (Fourteenth-Nineteenth Centuries), a corpus of new data for the understanding of glass bangle manufacture in Yemen. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2010;40:135–148.
8. Serjeant R. B., Cahen C., Serjeant R. B. A Fiscal Survey of the Medieval Yemen. *Arabica*. 1957;4(1):23–28. DOI: 10.1163/157005857X00183.
9. Varisco D. M. A Royal Crop Register From Rasulid Yemen. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1991;34(1/2):1–22. DOI:10.2307/3632276.

10. Al-'Aydarūs 'Abd al-Qādir b. Shaykh b. 'Abdullāh. *Al-nūr al-sāfir 'an akhbār al-qarn al-'āshir*. Beirut: Dār Ṣādir; 2001. 663 p. (На араб. яз.)
11. Ibn Hāshim Muḥammad. *Ḥaḍramawt: Tārīkh al-dawla al-kathīriyya*. Cairo: 'Alī al-Jifrī; 1948. 196 p. (На араб. яз.)
12. Bā Faqīh al-Shihrī Muḥammad b. 'Umar al-Ṭayyib. *Tārīkh al-Shiḥr wa akhbār al-qarn al-'āshir*. Sanaa: Maktabat al-Irshād; 1999. 520 p. (На араб. яз.)
13. Родионов М. А. *Культурная память и мерная речь на Юге Аравии: Хадрамаут*. СПб.: МАЭ РАН; 2014. 154 с.
14. Al-Māzandarānī Mūsā al-Ḥusainī. *Tārīkh al-nuqūd al-islāmiyya*. Beirut: Dār al-'ulūm; 1988. 370 p. (На араб. яз.)
15. Serjeant R. B. *The Portuguese off the Arabian Coast*. Beirut: Librairie du Liban; 1974. 233 p.
16. Sedov A. V., Aidarus U. The Coinage of Ancient Hadramawt. The Pre-Islamic Coins in the al-Mukalla Museum. *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 1995;6:15–60. DOI: 10.1111/j.1600-0471.1995.tb00075.x
17. Al-Shāṭirī Muḥammad b. Aḥmad. *Adwār al-tārīkh al-ḥaḍramī*. Jeddah: 'Ālam al-ma'rafa; 1983. 566 p. (На араб. яз.)
18. Shanbal Aḥmad b. 'Abdullāh. *Tārīkh Ḥaḍramawt*. Sanaa: Maktabat Sana'ā; 1994. 292 p. (На араб. яз.)
19. D'Alòs-Moner A. M. Conquistadores, Mercenaries, and Missionaries: The Failed Portuguese Dominion of the Red Sea. *Northeast African Studies*. 2012;12(1):1–28. DOI: 10.1353/nas.2012.0003
20. Hardy-Guilbert C., Le Maguer S. Chihr de l'encens (yémen). *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 2010;21(1):46–70.
21. Le Maguer S. The incense trade during the Islamic period. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2015;45:175–183.
22. Popenoe P. Scale-insects of the date-palm. *Journal of the American Oriental Society*. 1922;42:205–206.
23. Rodionov M. A. The Western Ḥaḍramawt: Ethnographic Field Research, 1983–91. In: *Orientwissenschaftliches Heft. OWZ der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg*. 2007. Hft. 24. 307 p.
24. Serjeant R. B. A Maqāmah on Palm-Protection (Shirāḥah). *Journal of Near Eastern Studies*. 1981;40(4):307–322.

References

1. Vallet É. *L'Arabie marchande: État et commerce sous les sultans rasūlides du Yémen (626–858 / 1229–1454)*. Paris: Éditions de la Sorbonne; 2010. 870 p.
2. *Cartas de Affonso de Albuquerque seguidas de documentos que as elucicam*. Lisboa: Academia real das ciencias de Lisboa; 1903. 438 p.
3. Mackintosh-Smith T. *Arabs: A 3,000-Year History of Peoples, Tribes, and Empires*. New Haven, Connecticut: Yale University Press; 2019. 656 p. DOI: 10.2307/j.ctvd1c99p
4. Khazanov A. M. *Portugal and the Muslim World (15–16 Centuries)*. Moscow: RAU-Universitet; 2003. 319 p. (In Russ.)
5. Udalova G. M. *Yemen During the First Ottoman Conquest (1538–1635)*. Moscow: Nauka; 1988. 200 p.

6. Hardy-Guilbert C. The Harbour of al-Shiḥr, Ḥaḍramawt, Yemen: Sources and Archaeological Data on Trade. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2005;35:71–85.

7. Boulogne S., Hardy-Guilbert C. Glass Bangles of al-Shiḥr, Ḥaḍramawt (Fourteenth-Nineteenth Centuries), a corpus of new data for the understanding of glass bangle manufacture in Yemen. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2010;40:135–148.

8. Serjeant R. B., Cahen C., Serjeant R. B. A Fiscal Survey of the Medieval Yemen. *Arabica*. 1957;4(1):23–28. DOI: 10.1163/157005857X00183.

9. Varisco D. M. A Royal Crop Register From Rasulid Yemen. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1991;34(1/2):1–22. DOI:10.2307/3632276.

10. Al-'Aydarūs 'Abd al-Qādir b. Shaykh b. 'Abdullāh. *Al-nūr al-sāfir 'an akhbār al-qarn al-'āshir*. Beirut: Dār Ṣādir; 2001. 663 p. (In Arabic)

11. Ibn Hāshim Muḥammad. *Ḥaḍramawt: Tārīkh al-dawla al-kathīriyya*. Cairo: 'Alī al-Jifri; 1948. 196 p. (In Arabic)

12. Bā Faqīh al-Shihrī Muḥammad b. 'Umar al-Ṭayyib. *Tārīkh al-Shiḥr wa akhbār al-qarn al-'āshir*. Sanaa: Maktabat al-Irshād; 1999. 520 p. (In Arabic)

13. Rodionov M. A. *Cultural Memory and Metered Speech in Southern Arabia: Ḥaḍramawt*. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography Press; 2014. 154 p. (In Russ.)

14. Al-Māzandarānī Mūsā al-Ḥusainī. *Tārīkh al-nuqūd al-islāmiyya*. Beirut: Dār al'ulūm; 1988. 370 p. (In Arabic)

15. Serjeant R. B. *The Portuguese off the Arabian Coast*. Beirut: Librairie du Liban; 1974. 233 p.

16. Sedov A. V., Aidarus U. The Coinage of Ancient Hadramawt. The Pre-Islamic Coins in the al-Mukalla Museum. *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 1995;6:15–60. DOI: 10.1111/j.1600-0471.1995.tb00075.x

17. Al-Shāṭirī Muḥammad b. Aḥmad. *Adwār al-tārīkh al-ḥaḍramī*. Jeddah: 'Ālam al-ma'rafa; 1983. 566 p. (In Arabic)

18. Shanbal Aḥmad b. 'Abdullāh. *Tārīkh Ḥaḍramawt*. Sanaa: Maktabat Sana'ā; 1994. 292 p. (In Arabic)

19. D'Alòs-Moner A. M. Conquistadores, Mercenaries, and Missionaries: The Failed Portuguese Dominion of the Red Sea. *Northeast African Studies*. 2012;12(1):1–28. DOI: 10.1353/nas.2012.0003.

20. Hardy-Guilbert C., Le Maguer S. Chihir de l'encens (yémen). *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 2010;21(1):46–70.

21. Le Maguer S. The incense trade during the Islamic period. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2015;45:175–183.

22. Popenoe P. Scale-insects of the date-palm. *Journal of the American Oriental Society*. 1922;42:205–206.

23. Rodionov M. A. The Western Ḥaḍramawt: Ethnographic Field Research, 1983–91. In: *Orientalwissenschaftliches Heft. OWZ der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg*. 2007. Hft. 24. 307 p.

24. Serjeant R. B. A Maqāmah on Palm-Protection (Shirāḥah). *Journal of Near Eastern Studies*. 1981;40(4):307–322.

Информация об авторе

Талиб Ахадович Гасанов – ассистент кафедры перевода Института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена, аспирант Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия; <https://orcid.org/0000-0003-4489-9364>, e-mail: gasanovt.1991@gmail.com

Information about the author

Talib A. Gasanov – teaching assistant at the Translation Studies Department (Institute of Foreign Languages) at Herzen State Pedagogical University, Ph D student at the Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-4489-9364>, e-mail: gasanovt.1991@gmail.com

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18 августа 2021
Одобрена после рецензирования: 15 ноября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: August 18, 2021
Approved after peer reviewing: November 15, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.